

Поселение американских прислужниц

Перевод с вьетнамского Игоря Бритова

Н А сей раз, когда Смит вошел в дом, Чынг не прикрыла за ним плотно дверь — осталась небольшая щелка. Девчушка Бать в нерешительности стояла у веранды. С противоположной стороны грунтовой дороги по краснозему через два ряда цветущей китайской розы долетел грозный окрик матери девочки:

— Бать... иди домой! Чего стоять там и пялиться на голых американцев?!

Каких еще голых американцев? Прежде Чынг всегда плотно закрывала дверь, и Бать не могла знать, что происходит внутри, но сейчас-то она была в курсе. Через дверную щелку ей прекрасно было видно, как Смит, уткнувшись лицом в грудь Чынг, рыдал так, что, казалось, разразилась гроза. Удивительное дело: взрослый, да к тому же еще американец, нюни распустил! Почему Смит так ревет? Чынг гладила его по голове, словно ребенка, и что-то тихонько говорила на тарабарском языке. Бать, вытянув шею, еще раз заглянула в неприкрытую дверь... За спиной девочки раздался резкий свист хлыста.

– Вот паршивка! У американцев хочешь работать, что ли? Быстро домой!

Вот так тростниковым прутом, который оказался больше, чем сама Бать, мать покончила с любопытством семилетней девочки.

* * *

Сидя на террасе своего дома, Бать заметила сквозь живую изгородь из китайской розы, что в соседнем доме из приоткрытой двери на нее смотрели две пары глаз, показывали ей высунутые языки:

– Эй, позор, позор: девочка подглядывала за американцем без штанов, и ее за это наказала мама, как не стыдно...

Бать – из тех, кто может постоять за себя. Плюнув в сторону своих сверстников Ли и Ань, она огрызнулась:

– Отстаньте! Откуда вы знаете про американцев без штанов? Значит, это вы подглядывали...

Пара глаз и два дразнящих высунутых языка еще какое-то время оставались в приоткрытой двери, но Бать не обращала на них никакого внимания, ей совершенно не хотелось с ними препираться. Она по-прежнему думала о Смите: “Интересно, перестал ли этот тип плакать? Нет, не так, перестал ли этот сэр плакать? И почему все, кто живут в этом поселке рядом с американской частью, не позволяют детям называть американских солдат мистерами или сэрами?”

Как-то в разговоре с Ли у Бать вырвалось “мистер Мит¹”. Услышав это, дядюшка Там, мывший поблизости с ними свою повозку, возмутился: “Не называй американских солдат мистерами! Молодчики, хмыри, гады – вот кто они, так и говори!” Чынг, которая стояла за забором в кофточке, наполовину обнажавшей грудь, и сушила на солнце волосы, залилась хохотом: “По-всякому можно, а короче – *you you!*” Да, *you* проще. Смит *you*, Том *you*, Джон *you*, Генри *you*. Но Бать больше нравилось *Смит you*. Смит самый симпатичный.

“Этот сэр... – Бать огляделась по сторонам. – Так это же мои мысли в голове, их никто не слышит, поэтому взрослые ругать не будут. У этого сэра красивая улыбка, он с удовольствием носит на плечах Тэо, сыночка дворничихи Си. Волосы у этого сэра золотистые, глаза – бирюзовые. Этот сэр часто гладит меня по голове и приносит мне шоколадки. Чынг говорит, что там, в Америке, у Смита есть младшая сестренка

1. Во вьетнамском языке нет слов со спаренными согласными “см”, поэтому вьетнамцам трудно произнести такое сочетание букв, они трансформируют сложное для них имя в привычное слово: “Смит – Мит”. (*Здесь и далее – прим. перев.*)

моего возраста...” Бать перевела взгляд в сторону комнаты Чынг. В это самое время дверь распахнулась, и оттуда вышел Смит. “Ой, чего так рано сэр уходит? Видать, это потому, что он сегодня плакал, а не такой веселый, как обычно”. Смит быстро прошел мимо Бать на красную грунтовую дорогу, по которой часто приезжал сюда. Девочка проводила его взглядом, а потом пулей бросилась вслед за ним:

— Мит, хэ-ло, но кан ду¹!

Бать не понимала, что именно произнесла, а Смит, приняв это как выражение сочувствия маленькой подружки, погладил ее по голове и произнес: “Бай-бай!”. Бать вернулась к своему дому, опять села на террасу и через дорогу увидела Чынг, вешавшую сушиться белье. Она кому-то отвечала:

— Да, Смит ушел рано, так как сильно горюет, вчера в бою погиб его закадычный друг.

Чынг наклонилась, чтобы взять еще одну кофту. И вдруг раздался ее недовольный голос:

— Чего уставился, мужичара? Иди отсюда, сделай милость! Мои сиськи точно такие же, как у твоей благоверной!

Га, прослышавший самым похотливым бабником во всей округе, захихикал и поплелся восвояси. Чынг, продолжая развешивать белье, запела: “Назначил свидание сегодня вечером, а самого почему-то нет. Душе от ветра стало зябко. Вокруг то ли туман, то ли дым от твоих сигарет. Как ты мог не прийти, тебя все не видно. Зачем назначать свидание, а потом забывать?! Теперь кому-то в зеленом платье приходится в ночи ох как страдать...” Бать подперла рукой подбородок и тяжело вздохнула: “Как же печально поет Чынг! А у Смита, оказывается, погиб друг, так вот почему в этот раз он не принес мне конфетку...”

* * *

Деревню, в которой жила Бать, стали называть “поселением американских прислужниц”, а все потому, что многие местные жители сдавали комнаты в своих домах девушкам, которые работали при американской воинской части. Рядом с деревней Бать на аэродроме Биенхоа располагалась крупнейшая американская часть. Там американским военным были нужны те, кто бы убирал, стирал, делал *какой-то* массаж, и для этого им вполне годились не имевшие работы вьетнамские девушки от восемнадцати до двадцати лет. Бать знала, что, став старше, кто-то из них попадал на работу в штаб американцев, становился переводчиком. А все квартирантки в деревне Бать были исключительно уборщицами в помещениях американских во-

1. Исковерканная фраза на английском языке.

енных. Кроме Чынг, это еще и Суан, и Хонг, и Тует... После работы каждая из них возвращалась в свою съемную комнатку с кем-то из американцев. Они на несколько часов уединялись за наглухо закрытыми дверями. Потом американцы садились в джип и гнали на аэродром. А девушки собирались вместе и резвились как дети или с таким же озорством принимались стирать или умываться.

Жители этой деревни ненавидели американских вояк и презирали особ, состоящих у них в услужении, но не смогли бы прожить, если бы не оказывали своих услуг этим девушкам. По меньшей мере пять семей в деревне имели доход с того, что сдавали им комнаты. Бабуля Бонг кашеварила за помещичью плату для Чынг и ее приятельниц. Они исправно платили поварихе установленную сумму за месяц, независимо от того, всегда ли ели ее стряпню или нет. Тетушку Си Смит пристроил в американской части дворничихой. Из груды мусора ей удавалось выуживать сладости, банки консервов, книги... Все это она носила продавать на рынок, а вырученные деньги тратила на сыночка Тэо, росшего без отца. Даже самый ярый в деревне ненавистник янки дядька Там не мог отказаться возить девушек на своей трехместной коляске с мотором на работу в американскую воинскую часть.

Ненависть к американцам и презрение к девушкам, их обслуживавшим, местные жители выражали разными способами. Всякий раз, когда заморские вояки наведывались в деревню к своим зазнобушкам, через живую изгородь китайской розы, что росла по обе стороны дороги, в их адрес летел поток ругательств и проклятий, вырывавшихся из уст главным образом сельчан преклонного возраста. “Мать вашу, вы не только нашу страну оккупировали, так еще и наших девок вам подавай! Черт подери ваших дедов и бабок, все вы вонючие хорьки, за километр от вас смрадом несет!” На это американцы, похохатывая, скалили зубы. А если бы понимали, что им говорят, то наверняка им было бы не до смеха. Конечно, они чувствовали, что старики и старухи чем-то недовольны, но полагали, что это наверняка из-за какой-нибудь ерунды, — а потому чего не поржать.

Дети бегали за американскими военными гурьбой. “Эй, хело, Том, но кан ду!” И глядишь — получали конфетку. А вот у кого жизнь действительно была несносной, так это у таких девушек, как Чынг и ее подружек, работавших на американцев. Когда они возвращались со смены и до дома, в котором временно ютились, оставалось всего несколько десятков метров, они вдруг подвергались обстрелу — в грудь и ягодицы летели пульки. Это были скатанные из бумаги шарики размером с кончик детского мизинца, ими стреляли из самодельных рогаток мальчишки-озорники, укрывшиеся в ветвях деревьев, что росли по обеим сторонам до-

роги. Взрослые, конечно же, знали про проделки мальшши, но на это — ни слова упрека, зато в адрес девушек звучали недобрые выражения. “Да наплевать на этих чертовок, что якшаются с янки!” — покрикивала обычно бабуся Дань, которая торговала сигаретами в конце деревни. Как-то, услышав это, тетушка Си с сарказмом спросила: “А не будет этих соблазнительниц, кто придет тогда сюда за твоими сигаретами?”. Выяснение отношений между ними закончилось разодранными лицами и порванным ухом. Но наибольшую опасность для американцев представляли молодые парни из этой деревни. Про таких юнцов, как Тонг, Там... речь не идет, они все с головой ушли в учебу, по характеру парни смиренные. Бояться же надо было тех молодых ребят, которые бросили учебу и уклонялись от службы в армии или в ополчении¹. По вечерам они собирались вместе, пьянствовали, горлачили военные песни, барабанили по котелку или металлическому подносу, а потом затевали драки с американскими солдатами. Как заметил ополченец Тинь, причина их задиристости всегда была одна и та же — они с янки, греховодящими с вьетнамскими женщинами и девушками, не могут жить под одним небом. Однажды они всем кагалом напали на Тома и Джона, дружков Хонг и Туэт, зачихали их в мешки и облили головы креветочным соусом, разбавленным водой. А потом всей этой компании пришлось уносить ноги и прятаться, Том и Джон вернулись с оружием в каждой руке, чтобы отомстить. На счастье местных парней вскоре этих двух американцев отправили на фронт. А Хонг и Туэт подцепили себе новых заморских вояк.

Смит, также обвиненный в том, что совратил вьетнамку, однажды попал в руки подвыпивших местных парней, они его привязали к стволу бетелевой пальмы, на котором была тьма красных муравьев. Произошло это у дома бабуся Дань. У Бать, ставшей свидетельницей этой расправы, сердце чуть не выскочило из груди, она бросилась со всех ног к Чынгу сообщить о случившемся. Но Чынг не оказалось дома. Вот горе-то! И для чего Смит явился в деревню, если знал, что Чынг нет?! Бать бежала как очумелая, точно муравей, заползший на раскаленную сковородку. “Есть кто? Ну, кто-нибудь, спасите Смита!”

Нельзя позволить, чтобы этот сэр погиб от рук пьяной коды. Он такой душка. Только вчера он дал старушке Шау деньги на лечение, а позавчера оплакивал на похоронах погибшего в бою солдата Хоа. Даже отец Бать говорит, что Смит хороший, что Смит самый симпатичный из всех американцев, которые бывают в их деревне у своих подружек. Вот

1. Речь идет об армии и ополчении Республики Вьетнам (Южного Вьетнама).

с такими мыслями, будоражившими ее сердце, Бать наткнулась на Киета, он переходил канал по хлипкому мостику — ржавой решетке, переброшенной с одного берега на другой.

Этот мостик соединял деревню с бескрайним полем на той стороне канала, там проходила железная дорога. В тех местах не было жилых домов. Попадались лишь временные лачуги тех, кто разводил уток. В одной из таких хижин обитал Киет. С того самого дня, как он объявился в их деревне, Бать ни разу не видела его родителей, братьев, сестер или другой родни, он всегда скитался один. Сейчас он нес на палке, что лежала у него на плече, чем-то набитый мешок, в нем — как пить дать — была груда только что выловленных лягушек для продажи в деревне.

— Киет!

— Что, малышка?

— Выручи Смита!

— Выручить Смита? Что это ты его так полюбила?

Слезы катились по щекам Бать. Она никогда не задумывалась о своей любви к американцу, чувствовала лишь, что Смит добрый, и не хотела, чтобы его закусали до смерти полчища красных муравьев. Несмотря на свой резкий вопрос, Киет подошел к девчужке и погладил ее по голове:

— Ладно тебе, чего хныкать?! Показывай, где эти пропивохи устроили расправу над Смитом?

Киету было всего-то восемнадцать-девятнадцать лет, но местные забулдыги относились к нему с почтением, он отличался красноречием, мог с ними много выпить и не опьянеть, а еще он частенько угощал их тем, что ему удавалось добыть. Если он брался за какое дело, то непременно доводил его до конца, и все, что выходило из-под его рук, было выполнено умело. Долговязый и тощий, от солнца он стал черным как головешка, круглый год носил темные крестьянские штаны и рубаху, голову прикрывала разодранная шляпа нон из листьев, целый день он пытался отвоевать в поле что-нибудь у природы, если не удавалось поймать лягушек, отправлялся на рыбалку.

В деревне ходили разговоры, что Киет — засланный в тыл противника вьетконговец¹, и не мешало бы держаться от этого парнишки подальше, а то, когда его схватит военная полиция, можно вместе с ним угодить в тюрьму. Как и в случае со Смитом, кто бы что ни говорил про Киета, у Бать он вызывал симпатию, и этого ей было достаточно. Как-то раз, возвращаясь поздно вечером с охоты на лягушек, он заглянул в лавку в начале деревни, чтобы купить пакетики лапши быстрого пригото-

1. Вьетконг, Национальный фронт освобождения Южного Вьетнама, — военно-политическая организация в Южном Вьетнаме, являвшаяся одной из воюющих сторон во Вьетнамской войне.

ления, но лапша закончилась, тогда он кликнул Бать, чтобы та попросила мать наложить ему пиалу вчерашнего риса. Мать сквозь зубы ей прошипела: “Какая смелая нашлась, разве не знаешь, кто он такой, а хочешь рисом его накормить?” Но тут за спиной Бать раздался голос отца: “Ну что ты несешь?! Что серьезного может грозить девочке, которая помогла соседу в трудную годину?” И он наложил Киету полную пиалу риса, тушенного с рыбой, перцем и луком, на поверхности этого кушанья аппетитно поблескивали глазки жира...

Как утопающий хватается за соломинку, так и Бать, протянув руку, на которой рукав кофты был мокрым от слез, вцепилась в ладонь Киета и потащила его за собой... И вот он, широко расставив ноги, уперев руки в бока, обратился к шумно гудящим подвыпившим парням:

— Кто это додумался Мита привязать к дереву?

Из толпы послышался хриплый голос:

— Твое какое поганое дело? Видать, тебе этот америкос дедулей приходится, что ты так печешься о нем?

— Он не мой дедуля, но он такой же человек, как и все мы.

Пьяная компания зашумела, один перебивал другого:

— Чаво это ты его Митом кличешь? Лучше уж мятой обзови! Небось, америкашки у себя дома выращивают ее?

— Как же, янки ведь слезу пустил на похоронах погибшего на фронте Хоа, знамо дело, теперь и его самого пожалеть не грех.

— Побойся Бога, это все фуфло, это он о своей шкуре подумал тогда, что и его укокошат на фронте, вот и расхныкался.

Киет не выдержал:

— Но есть и те, кто похуже него будут. Я о тех, кто от службы в армии отлынивает!

— Мать твою, чаво ты тут гонишь?

Но Киет, как ни в чем ни бывало, продолжал:

— Говорю, отпустите Мита, не хватало, чтоб сюда еще военная полиция нагрянула. Вам уж точно тогда не поздоровится!

— Ты чего нас стращаешь полицией янки? Да нам с десятью америкосами справиться, как в туалет сходить. Ступай наябедничай им! Подумать только, засланный вьетконговец заступает за американца! Охренеть, братцы!

— На войне плевать, вьетконговец ты или американец, каждый должен быть мужиком, — поучал Киет. — Если вы такие brave, отправляйтесь на фронт, а нечего мелкими пакостями потешаться. Смех один!

Киет развернулся и пошел прочь. Сердце Бать вновь бешено заколотилось. “Как же так? Никто не спасет Мита?” Девочка кинулась за Киетом и вцепилась ему в руку:

— А как же Мит?..

Киет почувствовал, что его схватила за плечо еще одна рука, и это была рука явно не Бать:

— Э-э. Мы пошутили, а ты и вправду смываешься. Что дашь за америкашку?

Киет протянул им набитый мешок:

— Здесь рыба, лягушки. Завязывайте пьянствовать и прекращайте играть в свои детские страшилки с американцами, слышите?! А если чего такого хотите, то это должно быть понятное и достойное мужика дело!

— Давай хряпни с нами!

— Нет уж, я пошел!

* * *

Том и Джон больше в деревне ни разу не появлялись. Бать как-то услышала от Чынг, что оба они вроде были ранены и их отправили на родину. Хонг и Тует меняли ухажеров как перчатки. В деревне все заметили, что они выглядели какими-то потасканными. Однажды, улетая крабовый суп тетушки Бонг в харчевне на рынке в конце деревни, Чынг в компании приятельниц возмутилась:

— Чего вы лифчик не носите? Сиськи болтаются, аж противно смотреть!

Тует, взяв палочками кусочек тофу¹ и обмакнув его в креветочный соус, фыркнула так, что из ее рта до Чынг долетел неприятный запах чего-то приторного и алкоголя:

— Скоро все американцы вернутся к себе домой, они терпят одно поражение за другим. А ты что, не слушаешь по радио новости о том, что на фронте творится?

У Чынг глаза на лоб полезли от изумления. Положив в пиалу Бать, сидевшей с ней рядом, еще один кусок крабового мяса в кляре, она выпалила:

— Ну, уйдут американцы, и Бог с ними. Вам-то что?

— Знамо дело, по тебе-то вон как Мит сохнет, потому тебе и дела нет. Он в штабе служит, чего ему бояться, от пули не помрет, не то что наши хахали.

— Да болтовня все это! А коли американцы уйдут, то работу придется найти подходящую и жизнь свою переиначить!

Хонг пожала плечами:

— Жизнь переиначить? Ты что не видишь, с каким презрением все в этой деревне к нам относятся? Мы для них — стая сучек вонючих, и только!

Сидевшая неподалеку от этой компании и улетававшая лепешки Суан тяжело вздохнула:

— Будет вам твякаться! Одни здесь оставайтесь, другие — в свои родные края подавайтесь.

Тует обернулась к ней:

— На кой хрен нам домой возвращаться?

Голос Суан задрожал от слез:

— Не знаю зачем, но Генри больше нет...

Чынг пнула ногой под столом Тует:

— Не расспрашивай ее ни о чем, Генри сильно любил Суан, вчера вечером стало известно, что он погиб на фронте.

То, что говорили девушки, у Бать в одно ухо влетало, в другое вылетало. Она не имела никакого представления, что такое боевые действия, что значит получить ранение, погибнуть на фронте. Знала она лишь одно: теперь все меньше американцев приходят в гости к ним в деревню. Девушки, работавшие на американцев, стали одна за другой отказываться от комнат. Дядька Там со своим драндулетом потерял клиентов, по утрам цеплял гамак между столбами своего дома и, лежа на нем, распевал старинную песню о том, как жена ночью тоскует по мужу. Бабуля Бонг лишилась стабильного ежемесячного дохода от своих услуг поварихи, ей пришлось купить тележку и торговать с нее хлебом на улице. Тетушка Си отвезла сынка Тэо к своим родителям, а потом и сама уехала туда жить, говорят, пашет там землю.

* * *

Теперь во всей деревне только Чынг снимала комнату. Уволившись из американской военной части, она ждала, когда вместе со Смитом уедет в США. Видя, насколько у них крепкая любовь, старушки больше уже не поносили Смита, когда тот каждый день после службы приезжал на велосипеде в деревню на свидание к Чынг. Однажды вечером после сильного ливня местные жители услышали вдалеке стрельбу, звук доносился со стороны лагеря для военнопленных на той стороне ручья.

Подобные случаи стали уже привычными, как пиала риса к ужину. Дядька Там предположил: “Похоже, часовые на наблюдательной вышке опять заснули и проворонили, как вьетконговцы проникли в лагерь и утащили автоматы или гранаты”. После этого в деревне прошла волна обысков, с особой строгостью допрашивали парней и молодых мужиков. Подозрения сразу пали на Киета — кто как не он баламутит деревенских!

Местные жители не раз с укором говорили ему об этом, а ему хоть бы хны — в ответ лишь посмеивается: “Давно надо было устроить часовым работку, разве государственные харчи положены за то, что дрыхнешь на службе?”. Недовольство

сельчан ограничилось лишь упреками, ведь у них не было никаких доказательств, что это Киет похитил оружие... После стрельбы наступило затишье, но недолгое, вскоре жизнь деревни потрясло новое происшествие: раздались крики о помощи — кто-то тонул в ручье. После проливных дождей ручей, который словно змея извивается по деревне, превратился в бурный поток, не иначе дух воды извергал из себя все накопившиеся запасы влаги.

Ежегодно в ручье тонуло почти столько же людей, сколько погибало от пуль. Жители деревни бросились на берег, бежал и Смит. Бать, только когда стала на цыпочки, смогла заметить в несущемся водном потоке то появлявшуюся, то исчезающую черную точку. Увидела она, и как Смит сиганул в ручей. Прошло пять минут, десять, пятнадцать. И вот наконец-то, замелькали над водой руки — это греб Смит, оказавшийся прекрасным пловцом, он тянул за собой к берегу человека. Толпа ахнула, когда увидела, что спасенным оказался Киет. Все изумились: как же так, Киет сам очень хорошо плавает, почему же он пошел ко дну? Наверняка у него начались судороги. Смит с Чынг, а потом и все остальные по очереди стали делать Киету искусственное дыхание...

К всеобщей радости у несчастного появилось еле ощутимое дыхание. И тут послышался вой сирены полицейских машин. Прозвучало требование расступиться, полицейские принялись обыскивать Киета. Забравшись вместе с Ли и Ань на самые высокие сучья росшей на берегу ручья гуайявы, Бать оттуда наблюдала, как стражи порядка переворачивали бедолагу туда-сюда, словно это был не человек, а жарившийся блин. Не обнаружив ничего подозрительного, полицейские сели по машинам и рванули с места, оставив грязно-белое облако выхлопных газов. Бабуля Бонг от злости выругалась в сердцах: “Едрит твою мать, вечно прикатят с помпой, с шумом, а толку от них ни хрена!” На песчаном берегу остался витиеватый рисунок крупных следов от ботинок. Киет лежал недвижимо, как будто его только что достали со дна во второй раз, Чынг и Смит развели рядом с ним костер...

* * *

Спустя более тридцати пяти лет Смит и Чынг приехали во Вьетнам — впервые за все это время. Им обоим было под шестьдесят. Они все так же были счастливой парой. Супруги отыскивали ту самую деревню, в которой когда-то жили вьетнамские девушки, работавшие на американцев. Направились туда, чтобы повидать Бать, свою бывшую маленькую подружку. Бать жила на прежнем месте, но старый дом матери с обычной черепичной крышей заменили хоромы в три этажа.

Такое можно было сказать не только про дом Бать, в деревне появилось много красивых современных зданий. Позитивные изменения в жизни были разительными. Деревня стала одним из районов города Хынгфу.

Смит узнал Бать по ее улыбке, обнажавшей неровные зубы, эта улыбка навсегда осталась в его памяти. Как и в те давние времена, он обнял Бать за плечи:

— Здравствуй, Бать! Как здоровье?

От удивления она выпучила глаза — Смит говорил по-вьетнамски. Чынг объяснила, что, когда она обучала вьетнамскому языку двух их детей, то Смит тоже был ее учеником. “Оказывается, у Чынг и Смита двое детей! — восхитилась про себя Бать. — Каких только чудес не связано с войной!” После приветствий Смит спросил про Киета. “Киет теперь очень большой человек, — ответила Бать, подбирая понятные Смицу слова. А потом добавила: — Он один из высших руководителей провинции”. Смит поинтересовался, как можно с ним встретиться. Бать пообещала свести их. Чынг повела Смита навестить и других бывших своих знакомых в этой деревне. Бабуля Бонг, у которой Чынг когда-то снимала комнату, пригласила их к себе ужинать, и они весь вечер просидели за задушевной беседой.

* * *

Киет пригласил Бать, Чынг и Смита в ресторан. Киет, как и прежде, был разговорчив, весел и бодр. Особое удовольствие ему доставляло беседовать со Смитом по-вьетнамски. В самом начале ужина он попросил у женщин разрешения наполнить две рюмки горячительным:

— Смит, моя рюмка ждала тебя более тридцати лет, чтобы я мог сказать тебе спасибо!

Смит склонил голову и отозвался:

— Это я должен тебя благодарить!

— За что же ты должен меня благодарить?

— Если бы не Бать и не ты, в тот день я бы помер от полчищ красных муравьев.

От смеха у Киета ходуном заходили плечи:

— Извиняюсь, в тот день я спас тебя только потому, что меня вывели из себя те малодушные парни. А не... так что извини, жители деревни не ошибались, подозревая, что я был засланным вьетконговцем. Действительно так оно и было. В то время я являлся связным одного из подразделений, действовавших в тылу противника, работал на подпольную организацию. К счастью, ты и другие американцы, у которых были подружки среди вьетнамских девушек, не входили в сферу наших интересов.

Смит тоже рассмеялся:

— Война есть война! А тебе тоже вовсе не стоит меня благодарить. Когда я прыгал в бурлящий ручей, то не знал, что спасаю нынешнего крупного чиновника Киета...

Чынг не удержалась от тоста:

— Мы с Бать хотим присоединиться и поднять бокал за то, что жизнь свела двух настоящих мужчин, которые, “если встретят на пути несправедливость, то не пройдут мимо”¹!

Обед получился душевным и продолжался больше двух часов. Его участники наперебой вспоминали истории тех далеких лет. В компании старших по возрасту Бать вновь почувствовала себя девочкой и была безумно счастлива. Пусть она стала учительницей и у нее двое детей, но она посчитала, что все равно вправе, как маленький ребенок, положить голову на плечо Чынг, и ей было приятно вдыхать аромат гледичии², который источали волосы давней знакомой. Бать не вслушивалась в разговор, она закрыла глаза, и ей вспомнился сон, который она увидела накануне возвращения Смита на родину.

Той ночью, после слезного прощания с Чынг и Смитом, Бать не сомкнула глаз: дорогие ее сердцу люди уезжали в далекие края и неизвестно, когда вернутся. Только под утро она ненадолго задремала, и ей привиделся сон, в котором Смит и Киет высоко подбрасывали ее над железной дорогой, проходящей за домом. А сами скользили по рельсам, будто парили над ними. Втроем они летели навстречу набиравшему скорость поезду, мужчины смеялись, а Бать кричала как резаная... Вскочив утром с постели, она кинулась в дом, где жила Чынг, но ее уже не было, они со Смитом давно уехали в аэропорт. От их отсутствия в Бать зародился страх одиночества, она пробежала по ржавом мосту и стрелой помчалась к хибарке Киета, там тоже было пусто... Никто не знал, куда делся Киет. Через несколько дней армия Хо Ши Мина начала наступление на соседний город, Бать увидела сидящего на танке Киета, он указывал дорогу...

...Пора было завершать встречу, у ворот ресторана настойчиво сигнализировал автомобиль, который должен был отвезти в аэропорт Чынг и Смита, улетающих в этот день в США. Уже и простились, но никто не хотел расставаться. В конце концов, первой поднялась Чынг, а следом за ней и Смит.

— Все, Смит, нельзя больше мешкать! You верни Киету!

Киет удивился:

— Что вернуть?

1. Строчка из стихотворения вьетнамского поэта XIX в. Нгуен Динь Тьёу.
2. Гледичия — вид деревьев из семейства бобовых. Листья используются в косметологии.

Смит понизил голос:

— Да, у нас есть долг перед тобой! Держи! Это — оружие, которое я обнаружил у тебя в кармане, когда ты чуть не утонул в ручье. Я знал, что, если его оставить — тебе несдобровать. Все было так, как я и предполагал: нагрянули полицейские...

По голосу чувствовалось, что Кьет ошарашен:

— Ой... Так, ты хранил это столько лет...

— Нет, я не сумасшедший оставлять это у себя, сколько головной боли было бы у меня, если бы я попытался тайком пронести оружие через таможеню двух стран. Несколько дней назад мы навестили бабулю Бонг, которая сдавала комнаты работавшим на американцев вьетнамкам. Помнишь ее? Так вот у ее дома из-под корней фикуса мы откопали все это. К счастью, то дерево еще не срубили и на его месте не построили дом. Вот смотри, больше тридцати лет прошло уже, они покрылись ржавчиной, как мост, что ведет на поле, где ты когда-то обитал...

Кьет весь трепетал, беря из рук Смита два пистолета. Он был настолько сам не свой, что даже не сказал ничего на прощание и не поблагодарил бывшего американского солдата. А Чынг и Смит заторопились к машине. Автомобиль рванул с места и скрылся в слепящем потоке солнечных лучей ясного дня... Бать, присев рядом с Кьетом, налила ему чашку чаю. Он гладил Бать по волосам, как это делал много лет назад, и умильно улыбался:

— Вот чертов американец, зарыл пистолеты под деревом и ничего мне не сказал. А я по его милости через несколько дней, когда спала вода, шаря по дну ручья, руки и ноги в кровь изодрал!

— Это ты украл из тюрьмы пистолеты?

— Я, кто ж еще! Как назло, в тот день вода бешено бурлила, мне вслед стреляли, пули свистели над головой. Правильно говорят, беда не приходит одна, в воде у меня начались судороги, и я чуть концы не отдал...

— А ты часто вот так воровал оружие?

— Так часто, что и не рассказать даже! Я ж говорил уже: жители деревни не ошибались, когда на меня грешили! Бать, не выпьешь со мной рюмочку?

— За что?

— За все то хорошее и плохое, что было у меня со Смитом, тебе ведь известно!

Бать подняла рюмку и выпила до дна, но пила она не за то, что так много противоречий было между Кьетом и Смитом, а за свою великую веру, что в каждом человеке есть светлое начало; независимо от ситуации оно несет добро другим...